

Олжас Сериков

A man in a dark suit and tie is running towards the camera through a dark, cluttered space that appears to be a control room or server room at night. The floor is covered in debris, including bags and boxes. In the background, several people are seated at desks with multiple computer monitors. Two dogs are running alongside the man in the foreground. The scene is dimly lit, with light coming from the monitors and some small lanterns on the floor.

**Фиолетовый
платок и кроссовки
"Найк". Часть
вторая.**

18+

Олжас Сериков

Фиолетовый платок и кроссовки "Найк".

Часть вторая.

<https://litres.ru/74519538>

SelfPub; 2026

Аннотация

Производственная драма с интригами в научно-исследовательском институте, тайными опытами над прочными материалами и ночным квестом по городским значным местам. Спасаясь от карьерного провала и бродячих собак, герои погружаются в колоритный мир ночного пустыря, где под внезапные озарения и философские лекции у костра рождаются безумные теории идеального менеджмента и современного бухгалтерского баланса. Пытаясь распутать загадочное массовое преступление и найти пропавшего приятеля, участковый с напарником погружаются в безумный хаос многоэтажного жилого комплекса. На этом пути их ждут непроходимые внутренние джунгли фанатичных местных жителей, штурм заваленного мусором подъезда, стаи одичавших собак и охота на опасного нарушителя.

Содержание

Геопатогенная зона.	5
Что думает Шива о куртке «Абибас».	7
Ты кто?	14
Живёт там девчонка с именем странным...	28
Биокорректирующий эффект аксионной барокамеры.	33
Маркович и Попович.	44
Администрация нижнего мира.	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Олжас Сериков
Фиолетовый платок
и кроссовки "Найк".
Часть вторая.

Геопатогенная зона.

Что думает Шива о куртке «Абибас».

Недалеко от центра Алматы, в районе архаичного, утраченного ныне здания городской тюрьмы, за нескончаемыми унылыми заборами с однообразными клеточными барельефами прятался когда-то живописный, внушительного размера пустырь. На его обширной территории поместилось многое: исполинские горы мусора, рощи искривленных судьбой карагачей и ряды высоких тополей, остатки загадочных древних строений с ещё не разбитыми шиферными крышами, обгрызенные сваи с торчащими из них кривыми арматурами, а также довольно большие участки асфальта с вылезшими из него кустами, - руины канувших в лету античных цивилизаций. Грузовики местных администраций периодически заполняли пустырь горами жёлтых листьев, острыми скалами битых лестниц и бордюров - и на удивление долговечными эверестами чёрного снега, издали похожими на отложения везувианского пепла. Самосвалы проторили на схеме пустыря несколько извилистых маршрутов, более похожих на загадку из детского журнала с предложением найти ёжику путь к яблоку, нежели на часть городской транспортной инфраструктуры. Незадолго до описываемых событий на пустырь закинули десяток киосков «Союзпечать»: их

свезли со всего города и грубо сбросили в кучу - примерно с той же степенью заботы, с какой швыряют багаж грузчики в аэропорту. С покосившимися вывесками, треснутыми стеклами и выбитыми дверями, бело-голубые ларьки, тем не менее, ещё сохраняли форму и гордо несли в новый ужасный мир остатки реликтовой советской действительности. В одном из ларьков чудом сохранилась короткая скамейка, - на ней посреди разбросанных журналов и битого стекла восседал дервиш неназванного суфийского ордена Ерлан Исатаев. В связи с поздней осенью и новой реальностью он сменил свой обычный нарочито босяцкий образ на мятый офисный костюм с галстуком, шершавой курткой и туфлями. В тонких безжалостных губах под щегольскими усиками ожесточенно мусолилась папироска, а острый взгляд был направлен на понуро сидящего рядом на корточках подмастерья - Фархада. Твёрдым, ясным, хорошо поставленным голосом Ерлан сурово отчитывал нерадивого воспитанника:

- Сколько раз я говорил и повторяю снова: необходимо постоянно и решительно стремиться заменить примитивную личность вечной и неограниченной душой - для последующего слияния с Демиургом, Абсолютом, - тянуться к уничтожению внутренних барьеров, к полному убийству своего эго. Для людей, практикующих радикальные формы тантры, смазан - место кремации, - и другие внешне ужасные места на самом деле не что иное, как обитель высшей радости и силы. Ритуалы, которые я проповедую, и которые ты ленишься

выполнять, предназначены для преодоления тамаса - тупости ума, – а ты, если что, самый тупой и упертый тип на всем свете, и твое счастье, что ты встретил настолько терпеливого учителя, как я. Для твоей распутной натуры воздержание во всем - это то, что доктор прописал, и, соблюдай ты мои наставления, прогресс был бы уже налицо. Мы стремимся к тому, чтобы привязанности прекратили вызывать колебания в сознании, - в таком случае ты получил бы абсолютное здоровье и равновесие. Только после полной гармонизации пяти нижних чакр с пятью элементами стихий энергия Кундалини сможет беспрепятственно подняться вверх для слияния с высшим сознанием, то есть с Шивой, и ты, дубина, осознаешь, что твое я - это не тело и не ум, а вечная душа, Атман, и именно она представляет собой конечную цель наших практик и единство с Вселенной... Ты меня слушаешь вообще?

Фархад внимал сэнсэю с отсутствующим выражением лица. Восседаая на корточках, словно синица на проводе, он периодически плевался на пол и выдвигал при этом нижнюю челюсть на пол-черепа вперед - так, что даже при взгляде на него становилось больно. В ответ на долгую и проникновенную речь учителя он сказал лишь две короткие фразы:

- Где наши деньги? Я жрать хочу.

- Ну вот, - всплеснул руками Ерлан. - Я тут перед ним распинаюсь, а в ответ - воплощение пещерного века, самое днище пирамиды потребностей.

- Какая пирамида? - не понял ученик. - Донер с самсой

надоели, ты обещал - сегодня в нормальное место пойдем, с хорошей едой. И за квартиру завтра платить пора.

- Если бы не я, ты сейчас не нуждался в крыше над головой и хлебе насущном, - назидательным тоном напомнил Ерлан. - Только вот твоя свобода передвижений ограничивалась бы тесной хатой с нарами и решетками.

- Чего ты от меня требуешь, нагваль? - бесцветным голосом спросил Фархад.

- Посмотри на себя, - Ерлан презрительно вытянул палец, - на кого ты похож? Мы двинулись вверх, работаем в научном институте, а ты - как был парнем с разезда, так и остался.

Фархад и впрямь, в отличие от своего гуру, никак не изменился внешне со времен переезда в Алматы, даже одежду и обувь носил все ту же, только поверх выцветшей футболки добавил спортивную курточку «Абибас», отобранную им в подъезде у запуганного первокурсника. Несмотря на непрезентабельный вид, он продолжал вести себя надменно и уверенно, и меняться, вопреки усилиям Ерлана, не собирался.

- Это они двинулись вверх, - кивнул Фархад в неопределенном направлении. - А мы - как были с разезда, так и остались. В этот ваш НИИ я даже заходить не буду - там нас не уважают, считают колхозными простофилями, а Какен - гад, забыл обо всем хорошем, даже имя сменил, возгордился.

- О чём он забыл? - с сомнением пробормотал Ерлан. - Не о том ли, как мы его запинали там, в горах? Или постоянно унижали? У него есть учёная степень, это здесь считается.

А кто мы? - скажи спасибо, что он выбил нам должности, а не послал куда подальше. Смири свою буйную гордыню, вернись к ночным бдениям и продолжай выполнять ежедневную садхану. В твоих нижних чакрах скопилось столько злобы, что никакая пранаяма уже не способна пробудить твою угасшую Кундалини...

- Деньги куда девал? - повторил Фархад, и Ерлан недовольно отвернул лицо.

- Там, ниже по Сейфуллина есть одно место, - поведал он развязным, но слегка виноватым тоном. - Мне сказали, возле рощи можно прикупить травку - я, конечно же, имею в виду... мать-и-мачеху. Не наврали - взял я эту мать... Потом сажу, кочегарю на пеньке у автострады, и подъезжает «Рэйсер», оттуда выходит тип в погонах и - прямиком ко мне. Уши мне прожужжал - статья такая-то, понятые, суд. А я ему - я, брат, юрист, хрен ты мне что сделаешь. Ты один, фотоаппарата у тебя нет, кто ж тебе поверит? - А он - я право имею, сейчас поедем на экспертизу. В общем, уделал я его, заткнул на месте своими знаниями. Он ещё минут пять что-то там прогундел про кодекс и тому подобное и свалил. Так вот - чему учит эта история? - а тому, что в любой обстановке надо держать себя уверенно. Как говорил Будда, неведение - это корень страданий...

- Ну, - и? - спросил Фархад.

- Что - и?

- Деньги куда девал?

- Ну, туда, - протянул Ерлан, отводя взгляд. - Ему все деньги и отдал. Но главное не в этом, а в том, что в каждой обстановке...

- Задолбал, - Фархад ожесточенно плюнул на стену киоска. - Сам сколько раз говорил - не выпендривайся, а тут - сидит с беломориной у всех на глазах. А жить теперь на что будем? Мы ведь теперь народ учёный, нас на зарплату посадили. Ты сегодня оба наших аванса взял, говорил - так будет спокойнее, а сам просадил их в первый же день, и на что просадил? - на какого-то там... И чего это ты попёрся на Сейфуллина, пока я спал? - бабу снять решил, небось? Я всю ночь скручивал лучины и читал молитвы, как ты завещал, а учитель тем временем отправился практиковать высокую мораль, как я посмотрю!

- Слушай, - злобно прошипел Ерлан. - Моральный облик нагваля тебя никак не касается! А ты в кой-то веки, раз в неделю вроде бы преодолел свою лень, взялся за ум и что? - прочитал одну молитву и задрых, а твоя лучина закоптила всю квартиру. Если бы я её не потушил...

- Шёл бы ты куда-нибудь со своими молитвами и садханой! - прорычал Фархад, грозно поднимаясь с корточек.

- Ну, и что ты сделаешь? - в свою очередь, распалился Ерлан, подступая к забывшемуся ученику.

Фархад занёс было руку для удара, но, вспомнив о своих проблемах с законом, скукожился и выбежал из киоска со словами:

- Лучше пойду - самсы возьму, надоело тут время терять с растратчиком!

- Иди, иди! - прокричал Ерлан вслед. - У тебя будет время подумать о своем поведении! И о своем раздутом эго!

Злой ученик стремительно удалялся по направлению к Ташкентскому тракту. Ерлан вышел из киоска и с досады бросил недокуренный бычок на грязный пустырь. Тут он заметил, что издали за бурной сценой с интересом наблюдает стайка местных чумазных бомжей. Не желая искать приключений на голову, Ерлан быстро ушел в институт, притулившийся к окраине пустыря.

Ты кто?

Вернувшись из Питера и устроившись в НИИ, дервиши сняли квартиру ближе к новому месту работы - в пятиэтажке на улице Сейфуллина. Правда, их жизнь от этого мало изменилась: Ерлан все так же угнетал вспыльчивого неопфита, заставляя его крутить лучины из ткани и ночи напролет читать молитвы для умирения гордыни. Сам гуру при этом совершенно не заботился о личном примере: пьянствовал, развлекался с уличными девушками, курил что попало. В какой-то момент импульсивному от природы Фархаду это надоело, и он устроил восстание.

В НИИ учёные мужи на дервишей смотрели, как на экзотических лемуров с дальних островов, и никакие галстуки не помогали. Фархад это осознал раньше нагваля и через несколько дней попросту сбежал с работы, где они, по правде говоря, ничего не делали, а целыми днями только выпрашивали у секретарш затяжку-другую бананового кальяна. Далеко бежать не пришлось - на близлежащем пустыре тут же обнаружилось подобие офиса в виде брошенных ларьков, где Фархад и попытался спрятаться, но Ерлан, как мы уже видели, быстро его нашёл и принялся стыдить, хотя и сам не отличался пунктуальностью и прочими добродетелями.

После щедрого подношения, сделанного нагвалем доблестному шерифу, у Фархада осталось всего несколько мел-

ких раздавленных купюр, с коими он отправился к уличной харчевне, расположенной недалеко от входа в городскую тюрьму. Пока знакомый уже кебабщик Заирчон готовил до-нер и переворачивал самсу на шипящем противне, Фархад купил пачку сигарет в соседнем комке и закурил, мрачно поглядывая на прохожих.

Метрах в семи-восьми от дверей кафе прямо посреди широкого тротуара расположилась группа колоритных персонажей. Шуму от них исходило больше, нежели от всей улицы Сейфуллина, и практически весь галдеж производил один человек: низенький, лет пятидесяти с гаком, крикун с землистым лицом, одетый в длинную, не по размеру, охотничью куртку, обвисшие брюки и стоптанные демисезонные туфли. Из-под куртки виднелась серая толстовка, под ко-ей угадывались ещё три-четыре элемента верхней одежды. Капюшон толстовки, тоже чрезмерно объёмный для плюгавенького горлопана, выдавался далеко вперед, делая его об-лик чем-то похожим на Чужого из популярного фантасти-ческого фильма восьмидесятых. Вопреки невнушительному росту, голос обладателя капюшона, низкий и хриплый, раз-носился по всей округе, и голос этот был полон агрессии. Перед оратором стояли с опущенными плечами два местных тунеядца, столь же многопланово и живописно одетых, - он явно их за что-то распекал. Рядом замерли ещё две грязные фигуры: гигантский и толстый, с магазинной тележкой, на-битой всевозможным тряпьем, и высокий, сгорбленный, в

долгополом женском пальто с меховым воротником и летних сандалиях на босу ногу.

Внешность, далеко улавливаемый специфический аромат и выражения лиц сразу позволяли отнести данную компанию к уличным обитателям. Правда, в отличие от худосочных жителей пустыря эти отличались откормленными физиономиями. В остальном они были одинаковы: красная опухшая кожа с набухшими жёлтыми порезами на лицах и руках, синяки, торчащие из обуви пальцы и, главное, взгляд - исподлобья, безнадёжный, полный скрытой злобы. За что руководитель группы вопил на своих подчиненных, понять было трудно вследствие крайне неразборчивой речи. Ориентироваться приходилось только на интонацию: похоже, орал он просто так, для остротки, а также для произведения эффекта на окружающих, хотя, если честно, никто, кроме Фархада, не обращал на бродяг ни малейшего внимания.

Суровый взгляд неофита не ускользнул от внимания бомжей. Человек в женском пальто тронул шефа за рукав и прошептал тому на ухо фразу, после которой босс прекратил распекать нерадивых вассалов, развернулся в сторону харчевни, и вся пятёрка принялась дружно и неприязненно смотреть на Фархада. Тот в итоге не выдержал столь пристального внимания, забрал свой заказ и отправился обратно на пустырь.

История, однако, на этом не завершилась. Когда Фархад вернулся на пустырь и уселся в ларьке, разложив перед со-

бой пакеты со снедью, к нему осторожно и боязливо, словно антилопы из саванны, подкралась стайка тех самых аборигенов, что наблюдали за ними во время разговора с Ерланом. Они рассредоточились перед ларьком и заворуженно смотрели на еду через треснутые окна, будто стоя голодных мартышек - на пару упитанных туристов, щелкающих фотокамерами за стеклами джипа и весело поедающих местный фаст-фуд. Фархад на всякий случай поднял с пола острую палку и молча ждал развития событий. Во всяком случае, местные ребята выглядели спокойнее бродяг с улицы, и среди них даже виднелись лица женского пола, что вселяло некоторую надежду на менее агрессивное поведение.

Надежда, однако, тут же рухнула, как только к окошку ларька подошёл лысоватый мужичок в страшных лохмотьях и с вызовом обратился к Фархаду:

- Ты кто?

Говорил он именно через окошко, как с продавщицей, хотя свободно мог войти в сломанную при падении с грузовика, распахнутую настежь дверь. Видя, что Фархад напрягся и не отвечает, бомж выдал другую вопросительную фразу:

- Жить хочешь?

Обитатель киоска не отвечал, изучая колоритную внешность «покупателя». В лохмотьях бродяги он разглядел руины когда-то приличного официального костюма из натуральной шерсти: драный пиджак, располоסованные брюки, вонючая рубаха, остатки ремня и галстука, ошметки дорогих бо-

тинок. По всей видимости, бомж не так давно работал в офисе, причем на высокой должности, что же привело его на этот страшный пустырь?

Не получив ответа на свои риторические вопросы, бывший интеллигент отошел от прилавка и, пройдя несколько шагов, грустно сел на широкий пенё. Он даже отвернулся от неприятливого продавца, явно на него обидевшись.

На этом спектакль, однако, не закончился. Аборигены пошучивали между собой и, очевидно, выбрали делегатом самого возрастного - кучерявого, с сединой, смуглого высокого бродягу лет шестидесяти, одетого чуть менее ужасно, нежели его коллеги по несчастью. В его облике проглядывало даже нечто вроде щегольства: так, из-под засаленного ворота некогда белой рубашки виднелся шелковый платок, а пространство вокруг толстых фиолетовых губ было чисто выбрито. В ларёк он зашел не пугливо и без показной воинственности, а легко и с улыбкой, сразу протянул Фархаду руку и представился:

- Алпысбай - так меня зовут, это мое настоящее имя.

- Мне-то что с того? - безглаголиво отреагировал неофит, но руку пожал, после чего устремил на бродягу долгий вопросительный взгляд.

- Тут редко кто раскрывает свое подлинное имя, - объяснил бродяга. - Если и представляются, то кличками, так безопаснее. Жизнь на улице приучает к осторожности.

Сказав это, Алпысбай мечтательно воззрился на паху-

чую самсу и пакет сока. Затем продолжил, с трудом оторвав взгляд от еды:

- А мы вас заметили ещё позавчера. Вы ведь наши соседи, из научного института? Новенькие? - мы обычно наблюдаем, как они приходят на работу с утра, и вы с вашим другом только недавно появились. Учёная степень имеется?

- Да, академик физико-астрономических наук, - саркастически ответил Фархад, но собеседник неожиданно принял издевательский ответ на веру.

- Такой молодой, а уже академик, - уважительно пробормотал Алпысбай. - Ну, в вашей сфере я не специалист, вы, технари, народ особенный, а я, если разрешите отрекомендоваться, гуманитарий, доктор юридических наук...

В этом месте чувство голода одержало верх, и гуманитарий, громко сглотив, как бы невзначай предложил:

- А давайте мы разделим вашу еду среди страждущих? Понимаю, что звучит нагло, но, пардон, мы уже сутки ничего не ели. Вчера наш ужин отобрал Бурый, а до этого была облава, и мы прятались... Так как насчёт поделиться?

Фархад сначала хотел грубо отказаться и отправить бродяг по известному адресу, но затем, мысленно оценив их количество, приличное расстояние до здания НИИ и ветвистые деревья, скрывающие все происходящее на пустыре, решил за благо все же согласиться. Он молча кивнул, и Алпысбай весело помахал соратникам, которые тут же набежали и схватили еду, галдя и толкаясь, как бандерлоги. Пытались за-

брать всё, но гуманитарий строго отшлепал их по рукам и сохранил для себя и Фархада по одной самсе. Напиток им, правда, не достался: пакет с соком утащили и быстро по очереди распили аборигены, но Фархад и этому был рад, - хорошо, что обошлось без ненужного выяснения отношений с этими несчастными.

- Дяденька, дай папироску! - бодро закричал паренек лет шестнадцати, чёрнявый и приземистый. Его внешность: узкие глаза под набрякшими многослойными веками, почти полное отсутствие носа, разноцветные пятна по всему лицу, - носила отпечаток тяжелых наследственных болезней. По его волосам без всякого страха вышагивали синие мухи, а на подбородке висела огромная зелёноватая капля, но сей факт паренька, казалось, нимало не беспокоил.

Фархад взглянул на просителя с сомнением, и тот немедленно обратился к гуманитарию:

- Пятница пришла, скажи ему - пусть даст мне папироску!
- Хватит так меня называть, - недовольно буркнул Алпысбай, кусая самсу.

Фархад протянул чёрнявому сигарету и чиркнул зажигалкой. Паренек радостно затянулся и побежал в чашу.

- Почему - пятница пришла? - спросил Фархад, в то время как они с новым приятелем сидели на скамейке и жевали пирожки.

- Да так, - неопределенно ответил Алпысбай, отводя взгляд. - Один идиот бросил, остальные подхватили...

- Он всегда так говорит, как только удается разжиться выпивкой, - отчеканивая каждое слово, неожиданно подсказала чёрноволосая девушка со строгим взглядом, одетая в некое подобие советской школьной формы: коричневое платье с чёрным передником и тяжелые мокасины с блестящими пряжками.

- Луиза, не лезь, твоего мнения никто не спрашивал, - попытался осадить коллегу Алпысбай, но спровоцировал бурю.

Луиза яростно швырнула недоеденный пирожок на землю, схватила гуманитария за отвороты куртки и, судорожно искривляя рот, заорала на весь пустырь:

- Не надо мне тут свой характер показывать! Я в конторе с самым Розенфельдом работала и годовой баланс сводила, а он тут передо мной ещё борзеет!

Извиваясь всем телом и надрываясь в конвульсиях, она прокричала ещё несколько подобных фраз и серьезно пыталась оторвать собеседнику воротник, пока тот грубо её не оттолкнул. Тогда Луиза бросилась на грязную, покрытую ветками и кусочками стекла почву, с минуту надрывно рыдала, постукивая кулаками по грунту, после чего встала, совершенно спокойная, как ни в чем не бывало, подняла остаток пирожка и принялась его доедать: как есть, с налипшей на него глиной и насекомыми.

Фархада этот театральный припадок весьма напугал, чего не скажешь о гуманитарии: тот поправил воротник и спокойно резюмировал:

- Ты здесь ещё и не такое увидишь. Эта мадам каждый день истерику устраивает, мы к этому уже привыкли.

- А кто такой Розенфельд?

- Да пёс его знает, - махнул рукой Алпысбай и грустно вздохнул. - Все мы тут кем-то были в прошлой жизни, пока не докатились вот до этого. Нормальных здесь нет, не то место. Ее подружка Салта, например, тоже психическая. Вон та - пухлая, кучерявая, завернутая в цыганский платок. Она сама подойдёт и часами будет говорить на душевные темы, выведает все твои тайны, посочувствует так, что растаешь и придешь к мысли: вот, наконец, встретил единственного искреннего человека в этом аду. Но не тут-то было: лишь только расслабишься, как она слетает с катушек, бросается на тебя с криками, обвиняя во всех грехах человечества, а потом бежит по всему пустырю и каждому встречному разбазаривает твои самые сокровенные и конфиденциальные секреты. Я сам так попал, когда она к нам пришла, не разглядел... Нам удалось от других людей узнать, что Салта работала коммерческим директором в большой фирме, а потом сошла с ума, на ровном месте испортила со всеми отношения, разорилась и оказалась тут. Берик, что первым к тебе подошёл, занимал видный пост - был начальником в сфере распределения дизеля. Он был настолько могуч, что во время посевной и уборки урожая топливо можно было достать только через него лично, а фермеры, не знавшие его, оставались ни с чем и вешались на своих комбайнах. Но что-то произошло, - види-

мо, как говорят в народе, не поделился с кем надо, его уволили, и на следующий же день топливо появилось повсюду в свободной продаже, а Берик наш внезапно обеднел, и за ним принялись охотиться следователи. Тогда он сошёл с ума и присоединился к нашей бригаде. Сыскари приходили сюда пару раз, но ничего не добились от него и ушли ни с чем, - ты же его видел. Но всем нам кажется, что его шизофрения - только прикрытие. Он иногда забывает, что сумасшедший, и начинает говорить совершенно обычные нормальные вещи. Исчезает куда-то на два-три дня, а потом появляется, вымытый, гладкий и сытый, но в тех же порванных обносах. Все украденное он куда-то перевёз и прячет, мы думаем, что это коттедж за городом. Вот бы за ним проследить хотя бы разик, всем было бы чем поживиться...

- А вон те двое тоже, что ли, из крутых? - Фархад указал на чёрнявого паренька и светловолосого подростка с волчьим оскалом и непрерывно текущими слюнями.

- Нет, эти двое - простые ребята. Чёрный мальчик Узакпай - по жизни дурачок, и Славик тоже таким появился на свет. Они оба - самые нормальные ребята в нашей компании, не кричат, во всем помогают и делают всё, что попросишь, без лишних слов...

При этих словах доктор наук взглянул в окошко ларька, и его лицо исказилось гримасой тревоги и страха. Луиза тоже прекратила жевать и выпучила глаза, а скрытный Берик приподнялся с пня и огляделся по сторонам - словно в поис-

ках убежища.

Причиной всеобщего волнения оказалась банда тех самых нищелюбов, перформанс которых Фархад наблюдал возле донерной. Все пятеро направлялись напрямиком к ларькам, их чумаые хари демонстрировали непоколебимую решимость. Позади всех бесстрастно толкал свою тележку с тряпьем огромный толстяк, напаявший на себя, похоже, не менее сотни различных кофт, толстовок и пуловеров.

- Вы с ними знакомы? - очень спокойно осведомился Фархад, чувствуя бодрящий прилив крови к рукам и пьянящий аромат неминуемой потасовки.

- Д-да, ещё как! - пролепетал Алпысбай, инстинктивно приликая телом к скамейке. - Это Бурый, то есть Бурамбай и его люди. Они тут главные...

- Бурый - это вон тот - мелкий, в зелёной куртке? - Фархад указал на грозно вышагивающего лидера в капюшоне, давеча кричавшего на подчиненных у кафешки.

- Ну да, он самый...

- Это они у вас вчера ужин отобрали? - неопит лениво поднялся со скамьи, поправил на голове любимую тибетейку и, соединив пальцы обеих рук в тугий узел, сурово ими хрустнул.

- И не только вчера... - промямлил гуманитарий, и на этом обмен информацией внутри киоска завершился, поскольку ватага Бурого перешла к действиям.

- Что это тут за сборище без моего разрешения? - хрип-

лым басом гаркнул Бурамбай, а его шайка набросилась на бомжей: без особого, правда, успеха, поскольку те с дикими воплями кинулись врассыпную. Только здоровяк с тысячей одежек продолжал молча стоять, словно приклеенный к своей тележке, и равнодушно смотреть в пространство.

- Кто такой? - громко обратился Бурамбай к Фархаду, который бесстрашно вышел из киоска и с интересом смотрел на столь же низкорослого, как и он сам, жожака бродяг-милитаристов. - Ты что тут делаешь без моего разрешения? Ты знаешь, что весь этот парк - моя территория?

Остальные подопечные Бурого, услышав его крик, прекратили бесполезную погоню за местными бомжами и подошли ближе к ларьку, ожидая увидеть интересное зрелище. Они угрожающе обступили юнца в тубетейке, оказавшегося на этот момент в полном одиночестве, а Алпысбай так и остался сидеть в киоске, позелёнев к этому времени от страха.

Фархад и Бурый смотрели друг на друга: один - спокойно и с легкой улыбкой, а другой - яростно и устрашающе. Росту они были одинакового, только Фархад - сплошная худоба, ручки-тростинки и впалая куриная грудка, а его оппонент - с огромным сизым носом, закутанный в десяток фуфаяк, да ещё и с ржавой арматурой в грязной руке. Немая сцена продолжалась секунд десять, после чего Бурый издал неистовый крик, больше походивший на рычание, и занес арматуру для удара, но на этом его экспансия и завершилась,

поскольку Фархад быстрым движением вlepил ему хук в челюсть, и Бурамбай, застонав, упал навзничь, будто мешок с навозом.

Фархад перехватил в полете арматуру и шарахнул ею по голове ближайшего из подельников Бурого. Тот схватился за лицо, заорал и побежал куда-то в чащу, но по пути споткнулся о корень, коих тут торчало великое множество, и растянулся на земле, продолжая верещать на всю округу.

Этого оказалось достаточно для полной победы. Оставшиеся приспешники некоронованного вожака тут же сдались: кто-то опустилcя на колени, кто-то в отчаянии поднял руки, а один лёг на землю спиной и принялся беспорядочно мельтешить в воздухе конечностями, выражая таким образом абсолютную покорность.

Алпысбай вышел из киоска и смело пнул Бурого в пыльный бок. Бурамбай продолжал лежать и смотрел на мир одним прищуренным глазом: вследствие множества напаянных под курткой одежд пинок гуманитария не нанёс ему ни малейшей боли, но подниматься и подвергать себя новым опасностям поверженный вождь в данный момент не планировал.

- Вот так вот! - мальчишески воскликнул Алпысбай. - Будут знать наших!

Фархад, в отличие от распалившегося доктора наук, был настроен мирно и даже по-миссионерски, в него словно вселился его учитель-нагваль.

- В тебе много гнева, - возвестил он Бурамбаю, в то время как тот приоткрыл глаза и смотрел на него с откровенным ужасом. - Ты должен смирить свой нрав и выполнять ежедневную садхану. Поднимайся, сын мой, и добро пожаловать в наш ашрам!

С этими словами Фархад протянул Бурому руку. Тот счёл за благо не поддаваться на провокации, но Фархад поднял его насильно и, поставив вертикально, принялся стряхивать землю с его куртки.

- Вы все будете придерживаться дхармы и проследуете за мной по колесу сансары, - уверенно провозгласил Фархад сгрудившимся вокруг него бродягам. - Вы станете моей паствой, а я - вашим Сатъя Бабой.

Живёт там девчонка с именем странным...

- Мансур Омирбаевич, это сюда поставить?
- Нет, лучше рядом с тем столом, так будет лучше.

Мансур, он же Какен, указал рабочим в синих халатах на ослепительно белый металлический стол, подле которого они разместили тумбу с выдвижными ящиками. Помимо стола и тумбы, в помещении установили несколько стеклянных шкафов, очень похожих на медицинскую утварь, а также длинные стеллажи. В шкафах и на стеллажах ассистентки Мансура расставляли аппаратуру, привезенную из Питера.

Несмотря на то, что его мечта сбылась: Мансур получил должность заведующего лабораторией и большое, недавно отремонтированное помещение, - Какен не чувствовал удовлетворения. Во-первых, ему не выделили требуемый штат, а с трудом согласились на две кадровых единицы. Во-вторых, вместо опытных сотрудников дали совсем молоденькую девочку из провинции и глухую толстую бабку, которая его решительно игнорировала и, к тому же, передвигалась и выполняла все прочие действия со скоростью один метр в тысячелетие. А в-третьих, вопреки успехам командировки, будущее по-прежнему оставалось крайне неопределенным. Мансур смог выбить финансирование на мизерную зарпла-

ту, но всего лишь на два месяца, а кабинет для лаборатории предоставили только спустя три недели после возвращения в Алма-Ату. Эниона и дервишей в подчинение не передали, а рассовали по другим отделам, где начальству глубоко было на них плевать. В итоге, вместо работающего и приносящего деньги направления Мансур получил мёртвую грудку железа и пластмассы и с ненавистью поглядывал на все эти нейтронные генераторы и ловители пси-энергии. Начальство, коего в институте было много, наперебой требовало от Мансура отдачи, причем материальной, а он кормил их обещаниями и завтраками, что, как известно, быстро надоедает и начинает раздражать.

Единственным утешением во всей этой невесёлой ситуации оказалась та самая молоденькая лаборантка. Когда Мансур распахивался из-за нарочито медленной работы носильщиков оборудования, она неожиданно стала его успокаивать, откуда-то добыла кружку горячего чая и взяла на себя хлопоты по обустройству лаборатории. Мансуру оставалось только сидеть на стуле, пить чай и наблюдать за тем, как помещение волшебным образом заполняется мебелью и приборами.

- Тебя как зовут? - спросил он ассистентку, как только рабочие внесли последние ящики и удалились.

Среднего роста, улыбкающая и узкоглазая, лаборантка скромно представилась:

- Ассоль - так меня называют друзья и родители.

- В зарплатной ведомости вроде было другое имя, - засо-

мневался Мансур.

По лицу Ассоль пробежала молниеносная судорога, но де-вушка быстро взяла себя в руки и вздохнула:

- Если честно, терпеть не могу это имя. Не знаю, с какого перепугу родители называли меня Перизат. Значение у имени, конечно, хорошее, но мне оно никогда не нравилось. Поэтому не могли бы вы...

- А почему Ассоль?

- Да так, всегда любила классику, - призналась лаборантка. - Да ещё в детстве родители каждое лето отправляли меня в лагерь в Феодосию, и там пионеры вечером у костра напевали песенку «Живёт там девчонка с именем странным...» Знаете такую? Нет, ну, ничего страшного. А лагерь назывался...

- ...Ну хорошо, пусть будет Ассоль, - пожал плечами Мансур. - Ты можешь тут за всем проследить? У меня скоро совещание.

- Я все сделаю в наилучшем виде, - успокоила его ассистентка.

Мансур вышел в коридор, где его уже поджидал Ерлан с нетерпеливым вопросом:

- Ну что, едем?

- Придется тебе самому поехать, - замялся Мансур. - Шефы вызывают на совещание.

- Какие шефы? - удивился Ерлан. - Что ты там будешь говорить, если мы ничего ещё не сделали? Скажи им, что за-

нят, в следующий раз поговорите.

- Это общее собрание руководства, по вопросу приватизации, я должен там присутствовать...

- Ты у нас теперь руководство? - саркастически произнес дервиш. - Ну ладно, давай, руководи. Двадцатку до зарплаты не одолжишь, а то у меня на проезд не хватает?

- И когда вы только успеваете всё тратить? - без особого удивления выдохнул Мансур, извлекая на свет кожаный бумажник. - И на чём ты собрался ехать за двадцатку, на лимузине?

- Ты же знаешь, Какеныч, мы - люди творческие, - пропел Ерлан, принимая потертую бумажку. - Привыкли быть готовыми ко всему.

- Знаю я ваше творчество - бабы и курево, - пробурчал Мансур. - И не надо меня больше так называть, это имя - в прошлом.

- Ну, пока все привыкнут, годы пройдут, - предположил Ерлан.

- В общем, контролируйте там всё, потом расскажете, как прошло, - Мансур заторопился на собрание. - А где твой дружок?

- Он на улице, не извольте беспокоиться, всё сделаем в наилучшем виде, - без особой уверенности пообещал Ерлан. - Ну, я пойду?

- И помните - лекции - не главное, лекции - это наша реклама. Самое главное - выйти на большие заказы...

- Да, ты уже говорил, - лениво кивнул Ерлан и отправился вниз по лестнице.

Спустя некоторое время он прибыл в Дом учёных, один, без Фархада, поскольку не испытывал желания общаться с ним после недавней размолвки, во всяком случае сегодня.

Биокорректирующий эффект аксионной барокамеры.

Дом учёных находился с обратной стороны гигантского, занимающего целый квартал, здания Академии наук. Высоченный жёлтоватый фасад, алебастровые арки и строгие прямоугольные формы советского ампира должны были внушать прохожим уважение к достижениям отечественной науки. С трудом отворив тяжелые, срубленные на века двери, Ерлан вошел в просторный холл. Тут веяло прохладой, а монументальная архитектура интерьеров вызвала светлые воспоминания о петербургской командировке.

Энион времени зря не терял: в фойе блуждающий глаз посетителя сразу находил яркий плакат с молекулами, разноцветными эманациями ауры и мозговыми извилинами, направляющий визитеров в актовый зал, где уже толпилось десятка с четыре гостей сегодняшней лекции. Разношерстная публика с интересом разглядывала диковинные приборы, разложенные на столах у входа, и забавлялась с интерактивной аппаратурой.

Несколько человек оккупировали особый агрегат, точно определяющий вес эфирного, астрального и ментального тела каждого индивида. Хотя магический прибор разительно напоминал самые обыкновенные напольные весы, тем не ме-

нее, он вызывал повышенный интерес местного сообщества: возможно, потому, что соседний аппарат тут же анализировал эти данные и выдавал информацию, каков потенциал экстрасенсорных способностей при конкретной конфигурации тонких тел.

В углу зала людей пугала и одновременно манила к себе темная интригующая конструкция: огромный сундук, гроб или саркофаг? - нет, скорее гигантский мангал с крышкой, куда свободно мог поместиться любой смертный, даже обладающий внушительными габаритами, - чем они, собственно, в эту минуту и занимались. Внутренности саркофага, обитые светлым мягким поролоном, гостеприимно облегли пухлое тело бодрой гражданки бальзаковского возраста. Её необъятные тела волнообразно колыхались, угрожая развалить всю конструкцию, а звонкий голос информировал сгрудившихся рядом зевак об изменении ощущений в различных конечностях и органах любознательной дамочки. Старичок в пенсне и сером костюме пятидесятих годов нашёл на широкой крышке сундука приборную доску с рычажками и датчиками и целеустремлённо нажимал на все подряд, нимало не заботясь о том, что любое его действие на неизведанном аппарате может превратить лежащую барышню в инопланетянина или, например, мокрицу.

- Товарищи, прошу вас, осторожнее! Аксионная барокамера выключена, и вы не можете сейчас в ней чувствовать ничего такого особенного. Не надо, пожалуйста, нажимать

на все кнопки, это может быть опасно! После лекции я вам все покажу и расскажу, не торопитесь!

Слова эти спокойно, но решительно произнес Энион. Он расположился за отдельным столом, у которого тоже столпился народ. Перед учёным сидел парень в жёлтом вязаном турецком свитере и джинсах, в каждой руке он держал нечто вроде блестящей консервной банки, соединённой проводами с небольшой пластиковой коробочкой, похожей на школьный лабораторный вольтметр: измерительная шкала, дергающаяся стрелка, тумблеры с переключателями. Энион, по случаю лекции надевший на себя зелёный вельветовый костюм, в очках и с бородой смахивал на умудрённого опытом профессора из престижного университета. Он деловито задавал испытуемому несложные вопросы и записывал показания стрелки при каждом ответе на твердую картонную пластинку с дырочками, внешне напоминающую перфокарту. Завершив опрос, геолог сунул пластинку в другой загадочный прибор, который издал звук кассового аппарата и с неимоверным скрежетом выдал сантиметров десять узкой бумажной ленты, испещрённой цифрами.

Энион с минуту смотрел на ленту, лицо его при этом померчнело. Затем он сочувственно взглянул поверх очков на испуганного клиента и траурно произнес:

- Ну что ж, уважаемый, не хочу вас расстраивать, но у вас наблюдаются серьезные проблемы...

- Что именно, в какой сфере? - тревожно встрепенулся

мужчина. - Это с квартирой связано, да? Так и знал, - не надо было её покупать... А ещё что там написано?

- Мы все это с вами обсудим, неторопливо и подробно, - успокаивающим тоном пообещал Энион. - Только после лекции, сейчас уже пора начинать, вижу - аудитория уже заполнена.

Бросив мимолётный взгляд на Ерлана, профессор еле заметно кивнул и отправился на сцену.

Увидев, что лектор уже готов приступить к занятиям, зрители шумно расположились в удобных мягких креслах и воззрились на него. Ерлан тоже присел на самый последний ряд и принялся наблюдать за гостями.

Энион откашлялся и начал довольно скучноватую речь с множеством специальных терминов. Зрители немного ожились, когда он подошёл к столику на сцене, загромождённому различными приборами, и стал объяснять принцип действия некоторых из них. Ерлан к этому времени уже задремал и сквозь сон впитывал отдельные слова и выражения:

- Искажение природных геомагнитных сеток планетарного излучения... биокорректирующий эффект... многослойная энергоинформационная структура... сбалансированное влияние биологически активных компонентов... способы защиты от негативных факторов энергий различной природы... выявление и нейтрализация геопатогенных зон... методы избавления от геопатогенных зон и негативных биоэнергий... защита от неблагоприятных факторов внешней

среды... Представляю вашему вниманию опытный образец для экранирования человека и радиоэлектронных систем от воздействия источников ионизирующих излучений. Как видим, идея воплощена в образе компактного изделия из нескольких биоэлементов из непроводящих диэлектриков и кондуктивных материалов. Полезная модель создана в качестве прибора, имеющего преимущественно прямоугольную форму, внутри оболочки которого находятся различные пластины, спирали, чипы и прочие элементы. Коррекция функционального состояния биологического объекта посредством полезной модели производится благодаря стабилизации патогенных процессов в органических тканях за счет влияния торсионных полей и резонансных биохимических процессов в чипах прибора. Полезная модель осуществляет функции межсетевого экрана, позволяющие поддерживать безопасность охраняемых объектов, игнорируя несанкционированные запросы из внешних областей, защиту от воздействия полевых факторов любой природы, в том числе от геофизических патогенных аномалий... Даже частичная защита пользователя от всех упомянутых факторов с использованием прибора оказывает благотворное влияние на биологические ритмы и все системы человеческого организма.. Наша многократно испытанная модель: генератор живой воды: продукты, омытые водой, структурированной посредством нашего прибора, изменяют свои качества, их микролептоны начинают вращаться в правую сторону, они

долго не портятся, ярче проявляют свои вкусовые и полезные качества, вода защищает от физических нагрузок, усталости, дискомфорта, радиоактивного и техногенного излучения, полностью восстанавливает биополе... Опытным путем установлено, что воздействие вредного излучения от телевизора, находящегося в рабочем состоянии, на человека, носящего наш прибор, уменьшилось в восемьдесят семь раз...

Несмотря на общую тоскливость лекции, чудодейственные приборы из Питера оказали закономерное влияние на посетителей: после лекции было много вопросов, а затем Эниона обступили и долго не давали ему выдохнуть, мучая самыми различными проблемами: начиная от болезней и недугов и заканчивая хронической непроходимостью канализации в микрорайоновских четырехэтажках. Тем не менее, Энион своего добился: почти все гости согласились не только прийти на следующую лекцию, но и участвовать в практических занятиях, планируемых по вечерам три дня в неделю.

Затем лектору напомнили, что он обещал разъяснить предназначение диковинного оборудования, разложенного на столах, и он ещё на полчаса устроил ликбез и в этой сфере тоже. Выступление было завершено на мажорной ноте, в то время как зрители, обступив докладчика, продолжали испытывать на себе удивительные гаджеты:

- Поэтому я и говорю, уважаемые: мы стоим на пороге новой эры, когда человечество вместе с пресловутой эрой Во-

долея перейдёт, наконец, энергоинформационный барьер и на один шаг приблизится к пришельцам из космоса... Что вы говорите? - Вы держите в руках уникальный прибор для очистки любой воды, он используется для фильтрации сточных вод, в быту, на производстве, а также в сельском хозяйстве. Вода структурируется, меняется кислотно-щелочной баланс, вихревые потоки формируют новое спиновое кручение, и на выходе получаем продукт, по чистоте превосходящий талую влагу из горных родников. И это ещё не всё! Зерна и семена, облучённые нашими генераторами, дают вдвое и втрое больший урожай и не подвержены никаким вредителям. А провода, не теряющие энергию ни на каких расстояниях - новое слово в экономике, решение проблемы мирового дефицита ресурсов, как вам такое? Что касается медицинского применения, то тут возможности безграничны: усиление иммунитета, улучшение метаболизма и обмена веществ, лечение огромного количества болезней. В наших опытах нет ничего идеалистического, ритуального или тем более мистического. Мы - категорические противники мистицизма и прочих шарлатанских методов, - любому феномену всегда есть естественное, материалистическое объяснение. Как говорится, тому, кто не читал Гегеля, не стоит в руки брать Капитал, не говоря уже о том, чтобы читать его. Мы начинали работать с самыми обычными материями, в частности, проводили опыты с электричеством, и через это пришли к пониманию о наличии определенных полей у биоло-

гических объектов, в том числе у человека. Есть люди, которые могут усилием воли закручивать лазерные лучи, крутить стрелку компаса, засвечивать фотоплёнку, ну, - это факт известный. Что, по факту, есть человеческое тело? - Это не что иное, как большая электрическая батарея - твёрдая оболочка с химической начинкой. Тело человека способно экранировать низкочастотные электрические поля, искажая и считывая с них информацию...

Все время, пока Энион развлекался с гостями, за ним внимательно наблюдал мужчина средних лет, в модной белой куртке с блестящими замками, светлых брюках и замшевых туфлях кремового цвета - достаточно смелый наряд для поздней осени, даже несмотря на довольно тёплые деньки. Редкие соломенные волосы он укладывал на бок, чтобы прикрыть обширную лысину. Надо лбом зачесанные волосы образовали непокорный чуб, а, точнее, макаронную завитушку. Багровые пятна на лице обнаруживали некоторую склонность к горячительным напиткам, а суровые носогубные складки свидетельствовали о бурном прошлом и тяжёлом жизненном опыте. Под набрякшими веками непрерывно, подобно броуновскому движению, перемещались ярко-серые зрачки. В целом этот человек производил благоприятное впечатление респектабельного, уважаемого члена общества, но было в нем также что-то неуловимо лукавое, плутоватое: в движениях либо в глазах, - сразу и не сказать. Наблюдательный мужчина не подходил близко, старался дер-

жаться в третьем или четвертом ряду зрителей, но глаз с лектора не спускал, и, похоже, уже понял, что Ерлан здесь тоже человек не случайный.

Как только публика начала расходиться, кремовый посетитель отошел и сел на краешек последнего ряда. Он терпеливо дождался, пока дверь закроется за последним гостем, выдержал паузу, во время которой Энион обменялся парой фраз с Ерланом, и только потом поднялся и направился к ним с радостной улыбкой на сосредоточенном лице.

- Добрый день, господа, - негромко произнес он приятным баритоном, протягивая руку поочередно учёному и дервишу. - Разрешите представиться - Маркович.

Питерские коллеги переглянулись, и Ерлан спросил:

- А это отчество или фамилия?

- Ну, отчество, конечно же, - с готовностью объяснил кремовый человек. Карпов Евгений, отчество вы уже знаете... Можете звать меня Маркович, все меня так называют.

- Хорошо, Маркович, - согласился Ерлан, в то время как Энион смотрел на нового знакомого с нескрываемым сомнением и даже антипатией. - Чем обязаны?

- Да так, есть один вопрос. Всё, что вы тут показывали, это правда или так, просто, для рекламы?

Ерлан и тут быстро ответил за товарища:

- Конечно, правда. У нас не шарашкина контора, а серьезный НИИ. Эффективность наших разработок доказана опытным путем. Имеются авторские свидетельства, бумаги

можем показать, если понадобится.

- Да, может понадобится, - задумчиво кивнул Маркович.

- А вы какую организацию представляете? - враждебно спросил Энион. - Или спрашиваете в целях общего развития - так сказать, повышения эрудиции и расширения кругозора?

- Расширение кругозора ещё никому не помешало, - подтвердил Маркович. - А насчёт организации - есть у меня выход на очень серьезных людей, которых ваши разработки заинтересуют с вероятностью до девяносто девяти процентов.

- А поточнее можно? Название компании, где находится? У вас есть какая-то должность, звание?

- Мою должность можете называть кратко - консультант по особым вопросам. А вот название конторы я так сразу и не скажу, там сложная аббревиатура, но организация солидная, имеет отношение к силовым госструктурам, и, самое главное, у них есть собственный бюджет. Находится эта контора в микрорайонах, рядом с Нархозом.

При упоминании государственного бюджета Ерлан почувствовал жар в ладонях и дрожь в ногах, но виду не подал, а как можно более отстраненно бросил:

- И в чем суть вашего предложения?

- Вы тут много чего рассказали - интересного и необыкновенного, аппаратура у вас занятная... - проговорил Маркович. - Всего несколько лет назад такое никому и не снилось, всё это было покрыто туманом строжайшей секретно-

сти. Мне приглянулись некоторые приборы, я даже список составил, вот, в блокнотике. Если бы можно было сделать нечто вроде небольшой презентации... Принести эти приборчики или хотя бы часть - те, что можно захватить с собой в сумке, и напечатать небольшое пояснение к каждому. В первую очередь, конечно же, их будут интересовать военные разработки. Вот, например...

- Подождите, это всё, конечно, хорошо, но окончательное решение о каких-либо презентациях принимаем не мы, - осадил Марковича Ерлан. - У нас тоже есть своё начальство.

- Так и я ничего финального ещё не сказал, - заявил консультант. - И мне надо сперва обговорить с полковником, насколько он готов к встрече, и на какие суммы мы можем рассчитывать. Предлагаю обменяться телефонами - у вас ведь в НИИ телефоны имеются? - и на неделе созвониться - лучше всего уже завтра. Самое главное - у нас ведь есть понимание и стремление к взаимной выгоде? Ну, по глазам вижу, что есть. Так что давайте, завтра после обеда я вам позвоню, там и решим, двигаемся мы дальше вместе или как.

Маркович говорил настолько уверенно и безапелляционно, что Ерлану с Энионом ничего не оставалось, кроме как поддаться его несокрушимому напору и согласиться на встречу.

Маркович и Попович.

Следующий день прошел в согласованиях встречи, затем ещё сутки у Какена ушли на необходимые разрешения от многочисленных начальников, - и вот, наконец, аудиенция состоялась.

Прямо на углу улиц Правды и Жандосова в те времена находился госпиталь, во дворе которого бродили солдаты в пиджаках и сквозь прутья забора выпрашивали у прохожих сигареты. Так вот - важная беседа произошла совсем не там, а в высоком офисном здании через дорогу. Компанию, близкую к силовым структурам, представлял полковник Ерлик Мындетович Абыроев - невысокий, но плотно и крепко скроенный офицер лет сорока пяти. На внутренней стороне воротника его гражданского пиджака красовалась безукоризненно белоснежная подшивка, выдававшаяся сверху ровно на положенный уставом миллиметр. Говорил он быстрыми короткими фразами, а большие водянистые глаза внимательно изучали собеседников. Правда, в основном на встрече звучал голос Марковича, а со стороны НИИ - Бульбаша. Эти двое болтали без умолку - так, что остальным приходилось лишь иногда робко вставлять одно-два предложения в их непрекращающееся словесное расстройство кишечника. Примерно через полчаса всем присутствующим стало предельно ясно, что взаимопонимание имеется, и обе стороны заинтере-

сованы в продолжении общения. В конференц-зале, где проходила встреча, находилась современная доска с магнитами, на которую Какен прицепил заранее подготовленные ватманы и бодро в течение пятнадцати минут посвящал силовиков в тайны микролептонных полей. Кстати, Эниона на совещание не взяли, так как он проводил очередную лекцию, так что от НИИ, кроме упомянутых лиц, участвовал только Ерлан, а с противоположной стороны был ещё помощник Абыроева - здоровый капитан с внешностью былинного Алеши Поповича: широкоплечий, белокурый, кудрявый, но одетый не в кольчугу, а в зелёную армейскую форму. В течение встречи он бесчисленное количество раз подбегал к начальнику и долго что-то шептал ему на ухо, после чего Абыроев строго зыркал на него и тараторил одну и ту же фразу:

- Ни в коем разе.

Алеша Попович понимающе кивал головой и уходил к своему креслу. О чём они говорили, так и осталось тайной, - судя по всему, полковник реагировал таким образом на любые предложения и иные сообщения из внешнего мира, - но в целом, несмотря на показную строгость, Ерлик Мындетович явно заинтересовался темой и уходить с пустыми руками не собирался.

Для презентации тщательно отобрали лучшие питерские заготовки, подходящие для интересуемой сферы. Ватманы пестрели картинками самолетов, танков и смертельно напуганных солдат условного противника. Какен в солнцезащит-

ных очках, сером пиджаке и чёрной водолазке с высоким горлом чем-то походил на агента спецслужб. Начал он с обнадёживающей фразы:

- Итак, как нам стало известно из опытов, микролептонные поля уникальны: любая точка этих полей благодаря энергии кварков содержит целое, и наоборот, все аксионные поля Вселенной могут поместиться в одной бесконечно малой точке пространства. Микролептонные поля обладают высокой проникающей способностью, не имеют ограничений по площади действия, а самое главное - передают любой объем информации на каком угодно расстоянии.

Далее он, непрестанно перебиваемый ценными вставками Бульбаша, продолжал в том же духе. Так, он расписал секретные разработки для военных на базе микролептонных полей, а именно: воздействие на врага и его население, внушение им любых мыслей, а также сваривание их мозгов кручением полей. На свои войска, напротив, будет поставлена мощная защита другими приборами - тоже, само собой, разработанными в нашей шарашке. Открываются широкие возможности для связи на неограниченные расстояния, передачи любого количества информации, а также для надёжного обнаружения техники, складов и живой силы противника. Кроме того, наш нейтронный детектор позволяет обрести контроль над мнениями и настроением населения, предотвращает преступления и способен вносить коррективы в поведение как солдат противника, так и населения любой страны.

Автомобили с броней, обработанной нашими генераторами, не пробиваются никакими снарядами. Ну, и самая главная разработка - летающий объект, не требующий топлива, работающий только на энергии аксионных полей. Ему можно придать любую форму, хоть любимой уфологами тарелки...

Завершив совместный доклад на мажорной ноте, представители НИИ вопросительно посмотрели на скучающего полковника. Тот подозвал к себе Марковича и помощника, шёпотом совещался с ними минут с пять, несколько раз внятно сказал «Ни в коем разе», - а потом спросил:

- Прайс-лист имеется?

- Цены, прошу прощения, сразу скажу, не каждый сможет позволить... - неожиданно замялся Какен. Он сам нарисовал на компьютере астрономические цифры, и тут, глядя на поношенный костюм полковника, засомневался в платежеспособности клиентов.

- Давай сюда, - отрывисто приказал Абыроев и властным кивком отправил к докладчику капитана. Тот подошёл к низкорослому изобретателю вечного двигателя, вырвал у него из рук прайс-лист и передал его начальнику.

Ерлик Мындетович долго изучал прайс-лист, перекидываясь иногда парой-тройкой фраз с Марковичем, а потом осведомился:

- У вас есть фирма, которая сможет подписать контракт? Или вы так и будете продавать оборудование от лица НИИ?

- Ну да, все приборы зарегистрированы на наш институт,

- подтвердил Какен.

- Ты будешь подписывать?

- Если вопрос состоит в том, кто конкретно подписант от нашего НИИ, то попрошу дать мне несколько дней, - попросил учёный. - Мы находимся в финальной стадии приватизации, и на следующей неделе наше руководство полностью определится с подписантом.

- Ну, ты смотри, не затягивай, - погрозил пальцем Абыров. - Мы со своей стороны уже определились - возьмем каждый из ваших приборов, а кое-какие и по несколько штук сразу. Так что готовьте оборудование. А типовой договор у вас имеется?

Бульбаш с трудом дождался того момента, когда они вместе вышли из здания, завернули за угол и оказались вне поля зрения силовиков. Тут он подпрыгнул, едва не вывихнув ногу, и радостно заорал:

- Я знал, знал, что у нас получится! Теперь мы - в шоколаде, в полном шоколаде!

Администрация нижнего мира.

- Времена нынче хорошие настали. Всего несколько лет назад, чтобы достать килограмма три свежей говядины, приходилось подъезжать со двора, да ещё и корпеть полчаса, пока второй секретарь горкома выйдет и сядет в свою «Волгу». По работе мы с ним почему-то никак не могли найти общий язык, а приходил он сюда за тем же, за чем и все остальные. Чтобы работал организм и мащак, необходимо сытно питаться, от этого человечество никогда не отойдёт. Пройдут века, возникнут и падут цивилизации, а еда все так же будет нужна как рядовому шофёру, так и второму секретарю партии.

Проговорив медленным и тягучим голосом эту длинную истину, Талгат Темирханович красноречиво посмотрел на Чингиса, - того самого, которого на Арбате когда-то обворовал Фархад. Чингис отреагировал: на мгновение прекратил жевать и глянул на шефа со всей лояльностью и верностью, какие только мог выразить.

Стремясь внедрить свою агентуру среди руководства, Какен по возвращении из Петербурга порекомендовал толстого колхозника Парасату Медетовичу, а тот, осторожный и пугливый по натуре, тут же спихнул перспективного работника своему куратору из вышестоящих структур - Талгату Темирхановичу по прозвищу ТТ. Куратору молчаливый и хозяйственный толстячок понравился, и тот назначил его своим

персональным шофёром.

Это была уже третья подобная сцена в гигантском промышленном холодильнике гастронома «Юбилейный», где ТТ еженедельно запасался продуктами. Он теперь не обсуждал дела НИИ в кабинете, а вызывал Какена на нейтральную территорию, где мог свободно излагать любые сокровенные мысли и болтать на свои любимые темы, в основном касающиеся различных интимных аспектов человеческого бытия. Общение в «Юбилейном» проходило по одной и той же схеме: Какен трясся от холода, подобострастно внимая начальнику, хмурая заведующая складом фиксировала количество отгружаемого товара, который властно и в то же время рачительно выбирал для себя ТТ, а у входа маячила крупная фигура Чингиса.

Смуглого колхозника на новом месте работы за домовитость и расчетливость прозвали Мешком, и эта кличка так к нему приклеилась, что по имени его теперь окликал лишь только начальник. Сам он совершенно не возражал, никому не противоречил, кто бы что ни говорил, и вёл себя полностью индифферентно - ко всем, кроме шефа. Сельское хозяйство и торговлю он забросил и кормился теперь только за казенный счет.

Судя по его экстремально раздобревшему животу и другим частям тела, Мешок с новым хозяином не бедствовал. В подсобке магазина он всякий раз молча брал с полки сальное кольцо Краковской колбасы и молча, размеренно съедал его:

с кожицей, этикеткой, веревочками и всем прочим. Крепкими гигантскими зубами он вгрызался в мягкую плоть колбасы, отхватывая за раз по сантиметру и более, с громким чавканьем жевал и уминал таким образом здоровую палку без остатка и ничем не запиная минут так за пятнадцать-двадцать. ТТ иногда посматривал на шофёра во время этой трапезы и одобрительно кивал головой. Кладовщица, видя это, безмолвно включала колбасу в список покупок.

- Так ты теперь кто? - Какен или Мансур? - осведомился ТТ, переводя взгляд с шофёра на учёного.

- Мансур, конечно же, - немного раздраженно молвил кандидат наук, коего старые знакомые очень утомляли в последнее время аналогичными вопросами. - Прежнее имя осталось в отжившей эпохе, так меня уже никто не называет.

- Умеют же люди, - пробормотал ТТ. - В наше время поменять имя - так это в суд надо было обращаться, и не факт ещё, что позволили бы... Так Алексей передал через тебя новую структуру компании?

- Да, сейчас достану, - Мансур засуетился и начал расстегивать сумку с документами.

- Погодь пока, - жестом остановил его ТТ. - Это не для меня, сейчас кое-куда съездим. У всех есть свой командир, и у меня тоже. Дело мы задумали грандиозное, нелишнее будет согласовать наверху. Надо взять яблоки, они там любят фрукты. Родная, набери мне килограмма два апорта, покраснее и побольше.

Они вышли с пакетами из «Юбилейного» и поехали на Тещин язык, где серая «Волга», управляемая Мешком, остановилась у высокой грязноватой башни строящегося метро. ТТ легко и резво, несмотря на свой почтенный возраст, выпрыгнул с заднего начальственного сидения, не забыв прихватить ручной фонарик и целлофан с яблоками и кусочком говядины, завернутым в коричневую бумагу.

- Подожди нас тут, родной, мы скоро, - ТТ махнул рукой шофёру, и они с Какеном отправились к башне.

Сонный охранник даже не стал выходить из будки, а указал визитерам прямо на чёрное отверстие входа. По всей видимости, начальника тут хорошо знали, что он подтвердил быстрой фразой:

- Я сюда частенько захаживаю.
- Метрострой тоже относится к вашему ведомству? - спросил Мансур, брезгливо перешагивая через горы мусора.
- Чем только не приходится сейчас заниматься, - туманно ответил Талгат Темирханович, перешагивая порог зияющего входа в башню.

Внутри справа от входа на крючках висели оранжевые каски и синие робы метростроевцев, хотя самих работников видно не было. Похоже, кроме охранника, здесь было абсолютно безлюдно. ТТ протянул каску Мансуру, сам надел вторую и решительно шагнул к сетчатой кабине промышленного лифта.

- А нам обязательно туда спускаться? - детским голосом

протянул Какен, заглядывая в крошечную тьму под хлипкой кабинкой. - Они сами к нам выйти не могут? А может, там никого и нет внизу? Тихо как-то здесь...

- Не бойся, парень, я там был уже много раз, - с этими словами ТТ распахнул ржавую дверь лифта и картинно изобразил швейцара, угодливо приглашающего прокатиться с ветерком. Его широкое лицо с узкими глазами и мохнатыми бровями, выстроенными «домиком», всегда изображало одну и ту же плаксивую маску шестилетнего мальчика, рано постаревшего вследствие различных стихийных бедствий, но сохранившего при этом некоторый заряд наивности и простодушия. Именно этой бесхитростностью он и заставлял людей, как в данном случае - Какена, подчиняться его воле, на самом деле жесткой и беспощадной, совершенно не походившей на детское лицо, проявленное в реальном мире.

- А-а, а зачем мы туда идем? - Мансур сделал последнюю жалкую попытку уклониться от опасного спуска.

- Я же сказал - надо согласовать бумаги, - ТТ посмотрел на молодого коллегу с удивлением. - Ну, давай, давай, заходи, долго мы там не задержимся.

Трясаясь всем телом, словно одинокий пожухлый лист старого каштана - на февральском ветру, Мансур зашел в лифт. ТТ захлопнул дверку и нажал на кнопку отправления. Громыкая и высекая искры, лифт мерно покатился вниз. Казалось, ехал он целую вечность, в самый центр Земли, - по крайней мере, так показалось Мансуру. Наконец, движение

застопорилось, и лифт замер в крайней нижней точке шурфа.

- Пойдем, - могильным голосом позвал ТТ, - после чего ему пришлось практически силой выковыривать напуганного коллегу из подъемника.

В несколько шагов пройдя маленькую темную площадку перед лифтом, начальник распахнул металлическую дверцу, и путники оказались в огромном прямоугольном зале, пол, стены и потолок которого представляли собой грубо обработанную горную породу, а точнее - коричневатый скальный грунт, зафиксированный длинными решетками арматуры. Несколько слабеньких электрических лампочек, разбросанных по необъятной территории, мерцали на стенах и выхватывали из крошечной тьмы исполинские колонны, поддерживающие тяжелые своды рукотворной пещеры, и четыре круглых отверстия, ведущих в туннели.

- Это неоконченная платформа, а вернее - ее основание, - тихо поведал Мансуру начальник. - Саму платформу ещё не возвели, то есть мы сейчас стоим на том уровне, где будут прокладывать рельсы. Строительство не ведется уже давно, тут все законсервировано, люди в бессрочных отпусках.

Мансур к этому времени уже почти справился, а точнее, смирился с паникой и дрожью, поэтому лишь утвердительно промычал несколько маловразумительных междометий, но ТТ, проникнутый торжественностью обстановки, принял сие бормотание за полноценный ответ.

- Верно говоришь, - произнес он крайне помпезным тоном. - Время сейчас изменчивое и шаткое, живем на осколках былой славы. А вот такое... - такое могла построить только великая страна, гражданами которой мы являлись всего каких-то там несколько лет тому назад. Иногда стоит спуститься сюда хотя бы для того, чтобы преисполниться, почувствовать величие ушедшей эпохи.

Мансур снова что-то хмыкнул под нос, и ТТ все так же патетично, с расстановкой ответил:

- Ну, конечно же, мы сюда не на экскурсию пришли. Великие времена рожают своих героев. Здесь, под землей, законсервирована не только стройка. Здесь сохранился дух прежних десятилетий: серьезных, вдумчивых, настроенных на плодотворную деятельность, а не на то распутство, что творится сейчас наверху. Тут появляются новые идеи, проекты, а также те, кто принесет их новому, зарождающемуся тысячелетию... Идём, нам туда...

ТТ потянул безропотного Мансура к зияющему лазу в один из круглых паровозных туннелей. Внутри туннеля свет от лампочек с платформы уже не проникал, и Талгат Темирганович щелкнул переключателем фонарика. Так они прошли шагов двадцать в глубину беспроглядного мрака.

Как только Мансур решил, что ещё секунда - и он умрет от инфаркта, внутри туннеля послышался шорох. Какен схватился за мускулистое предплечье пожилого шефа, но тот быстро освободился и ободряюще похлопал младшего кол-

легу по плечу:

- Ну не бойся ты так, крыс здесь нет.

- А это что?! - фальцетом просипел Мансур, указывая пальцем во тьму.

- Не кто, а что, - раздался из туннеля неожиданно приятный голос.

Луч фонарика выхватил приземистую фигуру, медленно бредущую к визитерам из недр туннеля. В каске с шахтерским светильником и синей робе метростроевца, на ногах - резиновые сапоги с толстыми подошвами, нечто антропоморфное, но - не совсем человек. Из рукавов торчали белёсые обрубки с пеньками вместо пальцев, а на тусклом лице можно было угадать зачатки черт лица: узкие прорези рта и глаз, дырочки на месте ноздрей, молочного цвета лоб и щёки, а также - полное отсутствие подбородка.

Впоследствии Мансур несчётное количество раз вспоминал эту сцену и так и не смог определить, видел он это на самом деле, либо существо ему почудилось. Кислорода на такой глубине оставалось маловато, так что многое могло привидеться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.